

значительной части представителей лингвокультурного сообщества; актуальные в когнитивном плане; обращение к которым обнаруживается в речи представителей того или иного лингвокультурного сообщества [Красных 1997, Нахимова 2004].

Современными исследователями выделяются различные виды прецедентных феноменов, среди которых особое место занимает прецедентное высказывание – репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности, законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентным высказыванием может быть 1) цитата (в том числе и трансформированная), 2) название произведения, 3) полное воспроизведение небольшого по объему текста [Гудков 2003: 107].

Очевидно, что источником прецедентности являются различные сферы культурного знания: литература, религия, история и др. Однако в рамках данной статьи рассматриваются особенности восприятия лишь литературных прецедентных высказываний, т.е. таких, источником возникновения которых послужили художественные тексты, ибо «литературоцентричность» является одной из отличительных черт русской культуры.

Способом изучения особенностей восприятия указанных единиц послужило проведение психолингвистического эксперимента с последующей обработкой полученных данных. Его участниками стали 80 студентов первых и третьих курсов, обучающихся в Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии (специальности «Химия и биология», «Математика и информатика», «История», «Реклама»). Выбор данной группы информантов обусловлен, с одной стороны, отсутствием у ее членов специальной филологической подготовки, а с другой – предположительно высокой степенью общекультурной и речевой компетентности в связи с имеющимся статусом студента высшего учебного заведения. Материалом для составления анкеты явились выдержки из современных газетных и журнальных публикаций, содержащие литературные прецедентные высказывания. Приведем образец предложенных информантам текстов и заданий.

I. Прочтите выдержки из газетных статей. Выпишите знакомые Вам по литературным источникам выражения (прецедентные высказывания). 1) *Лисичка-оборотень <...> встречает волка-оборотня в чине генерал-лейтенанта ФСБ, и они полюбили друг друга. Нет повести печальнее на свете: следует ряд откровенных <...> и эпических сцен [о новой книге Пелевина «Священная книга оборотня»] (С. Сергеев // НВ, 2004, №49); 2) «Овсянка, сэр». Именно это выражение всплывает в первую очередь при слове «дворецкий». Мрачные, отсыревшие стены замка, огромные двери, Бэримор, сэр Генри... И тут примешивается вечно скабрезный дво-*

РАЗДЕЛ 2. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Боярских О. С.

Нижний Тагил, Россия

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ: ОСОБЕННОСТИ ЧИТАТЕЛЬСКОГО ВОСПРИЯТИЯ

Abstract

The article studies the peculiarities of perception of precedent utterances by means of a psycho-linguistic experiment. The survey results lead to describing a complex of factors, which determine the particularities of recognizing and understanding different kinds of literary quotations present in a newspaper article.

Для современной лингвистики характерен повышенный интерес к закономерностям восприятия языковой личностью ментефактов, способных, с одной стороны, служить средством комплексной когнитивной обработки действительности, а с другой – отражать ценностные ориентации соответствующей лингвокультуры. К числу указанных единиц, безусловно, относятся прецедентные феномены – единицы, имеющие верbalное выражение, известные

рецкий из сериала «Моя прекрасная няня». Впрочем, к современному дворецкому эти образы подходят так же, как фрак черепахе [В. Баршев // РГ, 2005, № 158]; 3) Если говорят, что уровень попсы ниже плинтуса, надо начинать разбирать паркет и долбить цемент. В песнях происходит деградация лексики, исчезает утонченный интонационный язык. Мелодия не нужна. Вот и остается в песне всего несколько слов и интонаций. Она как шагреневая кожа, в которой прекрасно чувствуют себя наши попсовыe исполнители (В. Даcкевич // НГ-ежемес. обозр., 2006, февраль); 4) Народным артистом Чечни и Ингушетии неожиданно для себя вернулся Филипп [Киркоров] из Гудермеса... Певец вспоминает, что был концерт, он много пел, ему хлопали... А потом раз – и звание народного! Да, кстати: отмечали 30-летие Рамзана Кадырова. Но песни Филиппа нравятся не только имениннику, кто их только не поет – и в горах, и на равнине! (О. Шапавалов // КП, 2006, № 152-т/41); 5) Эксперты Deloitte&Touch сравнили стоимость ночевки в равнозначных номерах в 6000 европейских отелях (три звезды и более). По их данным, только за 2005 год цены на койко-место в Москве выросли на 34,4 процента! Другим городам и не снился такой впечатляющий скачок. Причем при сохранении практически на прежнем уровне гостиничного сервиса. Возможно, цены росли в привязке к стремительно дорожающему московскому жилью? Впрочем, умом Россию не понять. Даже столь известной аудиторской компании, которая в свое время смогла просчитать суммарную стоимость ОАО «Газпром» (И. Являнский // Изв., 2006, № 107); 6) «Квартирный вопрос» испортил и продолжает портить жизнь подавляющему числу россиян. В улучшении жилищных условий нуждаются четыре пятых населения страны, и их надежды тают с каждым днем (В. Андреев // АиФ, 2006, № 20); 7) Кузнецова кинули на пивзавод в 1986 году. Производство к тому времени не обновлялось 18 лет. Ей пересказали разговор в самолете. «Откуда эта новая директриса? Из торгашек?»... Бред, сапоги всмятку. Начальник управления торговли полгода с ней не здоровался (А Тарасов // НГ-ежемес. обозр., 2006, февр.); 8) У меня вызывает удивление, когда я вижу, как представляют себя некоторые «народные избранники». Владелец заводов, газет, пароходов, член совета директоров, известный предприниматель и где-то, скажем, последней строчкой – депутат Госдумы местного собрания. Это прямое и циничное нарушение закона о статусе депутата (С. Миронов // Труд, 2006, № 110); 9) Но униженная перед всей страной врач из злосчастного родильного дома – почему же она промолчала об истинной природе этой внутрибольничной инфекции, о том, что существующая система санитарно-эпидемиологического режима в роддомах – что борьба с ветряными мельницами? Почему не назвала

десятки других похожих случаев? (Dr. pipetkin // НГ-ежемес. обозр., 2006, февраль); 10) Вахханалия погони за роскошью и удовольствиями, захлестнувшая страну, имеет вполне объяснимые причины. На поверхность российской жизни, точно зловонные болотные газы, выползают криминальные деньги. По прикидкам МВД, более 800 подпольных цехов ежегодно выбрасывают в продажу примерно 6 млн. бутылок поддельного алкогольного зелья. А ведь за каждым таким зельем стоит свой торгующий смертью миллионер (В. Костиков // АиФ, 2006, № 45); 11) Правда, говорить о планах строительства Российских вооруженных сил на 2006 – 2010 гг. думцы будут в закрытом режиме <...> зато все остальные вопросы – и о том, каким гражданином быть обязан парламентарий, и том, как должен выглядеть российский рубль в графике и слове, депутаты обсудят не таясь (Т. Шкель // РГ, 2006, № 108).

II. Укажите авторов и названия произведений, послуживших источником выписанных Вами выражений (прецедентных высказываний).

III. Считаете ли Вы оправданными, соответствующими смыслу и стилю текста, подобные словоупотребления? Почему?

IV. Есть ли в приведенных текстах выражения (в том числе и среди выписанных Вами), смысл которых Вам не совсем ясен? Если да, то укажите их.

V. Прочитайте переиначенные (трансформированные) современными журналистами цитаты из литературных произведений. Восстановите их первоначальную форму. Каким проблемам, по Вашему мнению, были посвящены статьи, из которых извлечены данные выражения? Как хорошо уметь считать (Е. Надрова // РГ., 2005, № 146). Утром – острова, вечером – отношения (С. Репов, А. Фуфырин // АиФ, 2004, № 47). Про рок: и виждь, и внемли (П. Костенко // НГ, 2005, № 27). «Собственник» звучит гордо. И выгодно (И. Невинная // РГ, 2005, № 158). Но если маразмы плодятся вопреки здравому смыслу, значит, это кому-нибудь нужно (А. Ягодкин // НГ, 2005, № 30). Много шума или ничего? (А. Ерастов // Труд-7, 2005, № 118). Пусть сильнее граниет баррель! (С. Минаев // Коммерсант – власть, 2005, № 34). Я б в инвесторы пошел, пусть меня научат (А. Полунин // Труд-7, 2006, № 87). Четверо в лодке, не считая смерти (В. Сварцевич // АиФ, 2006, № 12). Почему Кошеч-Минфин над златом чахнет (В. Цепляев // АиФ, 2005, № 37)

Известно, что восприятие речи является сложным и многомерным психическим процессом, в общем протекающим по тем же закономерностям, что и любой другой вид восприятия. Оно представляет собой рецепцию слышимых или зрительно воспринимаемых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении. При этом в деятельности речевосприятия можно выделить две ступени. Первая связана с собственно восприятием (опознанием), вторая – с

пониманием речевого высказывания (его интерпретацией). Понимание определяется как расшифровка общего смысла, который стоит за непосредственно воспринимаемым речевым потоком, как процесс превращения фактического содержания воспринимаемой речи в стоящий за ней смысл. Под интерпретацией в данном случае следует понимать вербализованную форму понимания. Учитывая специфику данного эксперимента, понимание и интерпретация оказываются весьма схожими понятиями, ибо судить о наличии/отсутствии понимания реципиентом смысла того или иного прецедентного феномена можно только на основании имеющейся интерпретации.

В связи с этим предложенные информантам задания состояли из нескольких блоков. В первом блоке необходимо было в текстовых фрагментах найти в большинстве своем немаркированные цитаты из художественных текстов, а также указать автора и название произведения, послуживших источником данных единиц. Данный блок состоял из одиннадцати текстовых фрагментов, девять из которых содержали прецедентные высказывания с источником из отечественной или зарубежной литературы, а два были «пустыми», т.е. не имеющими в своем составе интересующих нас единиц. Введение в анкету данных «пустых» текстов было обусловлено стремлением приблизить искусственно созданную ситуацию чтения газетных материалов к аналогичной естественной ситуации (ибо не во всех газетных текстах используются прецедентные феномены) и тем самым избежать так называемого «парадокса наблюдателя» [Гришаева 2004]. Последний в данном случае связан с тем, что, имея установку на поиск определенных вербальных единиц в предложенных текстах, информант будет стремиться в каждом из них непременно найти искомое, а возможно, и не найти, а угадать. Сведения же о том, что не во всех фрагментах есть интересующие нас выражения, делает, на наш взгляд, поиск более естественным и непринужденным. Участникам эксперимента предлагалось также оценить уместность / неуместность использования в данных контекстах найденных выражений и из всего текстового массива выписать отдельно выражения, смысл которых им не совсем ясен (из-за несоответствия окружающему контексту или в силу незнания данного выражения).

Во втором блоке заданий информантам было предложено десять трансформированных (переиначенных) журналистами прецедентных высказываний с просьбой восстановить их первоначальную форму, ибо при восприятии подобного выражения первоначальным этапом является сопоставление его с «каноническим», исходным. Участникам эксперимента следовало также предположить, чему были посвящены статьи, из которых извлечены данные выражения.

Таким образом, первый блок заданий был направлен преимущественно на изучение осо-

бенностей узнавания литературных прецедентных высказываний (выделение в тексте, установление источника) и лишь частично, косвенно на понимание (оценка уместности словоупотребления, выделение не соответствующих контексту, по мнению информантов, выражений). Задания второго блока имели целью выявить специфику как узнавания (восстановление первоначальной формы), так и интерпретации литературных цитат с учетом произведенных трансформаций.

Согласно положениям современной теории восприятия, наиболее простой формой осмысливания предметов и явлений является узнавание. Здесь восприятие тесно связано с памятью. Узнать предмет – значит воспринять его в соответствии с ранее сформированным образом. Узнавание может быть обобщенным, когда объект относится к какой-либо общей категории, и дифференцированным (специфическим), когда воспринимаемый объект отождествляется с ранее воспринимавшимся единичным объектом. Как показали результаты проведенного эксперимента, в отношении литературных прецедентных высказываний процесс узнавания зачастую ограничивается лишь обобщенным уровнем и не переходит на уровень дифференцированный. Другими словами, информанты способны увидеть в текстовом массиве немаркированные цитаты, но затрудняются с их паспортизацией (указанием источника). Так, напр., студенты заметили инертекстуальный характер выражений *шагреневая кожа* (47,5 %), *сапоги всмятку* (25 %), *владелец заводов, газет, пароходов* (59 %), *нет повести печальнее на свете* (94 %), *квартирный вопрос* (85 %), *ветряные мельницы* (62,5 %), *овсянка, сэр* (77,5 %), но лишь некоторые указали автора и название произведения. Паспортизация данных единиц чаще всего ограничивалась указанием на отечественный или зарубежный характер прототекста и / или его жанровый признак (повесть, сказка, стихотворение). Относительно большинства из перечисленных выражений (77,7 %) количество ответов, содержащих верную и полную информацию об источнике заимствования, не превысило 50 % порога (исключения составили выражения *нет повести печальнее на свете* (70 %) и *квартирный вопрос* (78,8 %)). Практически все информанты выписали с указанием авторства литературные цитаты умом *Россию не понять* (95 %), *гражданином быть обязан* (92,5 %). Однако в отношении этих выражений мы столкнулись с феноменом ложнодифференцированного узнавания. Так, напр., в качестве автора известной цитаты из стихотворения Тютчева назывались Некрасов (27,5 %), Тургенев (21 %), Пушкин (12,5 %), а вместо Некрасова чаще всего фигурировало имя Маяковского (30 %). Интересно, что в некоторых ответах содержались стихотворные продолжения данных цитат, однако высокая степень знакомства с поэтическим текстом не обеспечила точности определения его автора. Подобный высокий процент ложной дифференциации данных цитат

связан, как это ни парадоксально, с их широкой употребительностью, с тем, что они известны еще со школьных уроков литературы и сейчас активно используются в различных СМИ. Это обуславливает восприятие подобных выражений в качестве штампов, отличающихся принципиальной нерелевантностью авторства. При попытке же все-таки вспомнить источник информанты начинают играть в «угадай-ку», перебирая авторов из школьной программы. Думается, что ситуация, когда информант просто заявляет, что он «не знает», «не помнит», «забыл» источник, является менее настораживающей, чем когда он пытается его угадать, ибо в последнем случае перемешанными оказываются не только авторы, принадлежащие к одной эпохе (Некрасов и Тургенев), но и те, творчество которых относится к различным историко-культурным периодам (Некрасов и Маяковский).

Необходимо отметить, что ложное узнавание литературных прецедентных феноменов возможно не только на дифференцированном уровне, но и обобщенном, ибо и в так называемых «пустых» текстах студенты довольно часто находили искомые вербальные единицы. В тексте № 5 литературной цитатой, по мнению студентов, являлось выражение *и в горах, и на равнине* (38,8 %), а из текста № 10 выписывались *вакханалия погони* (21, 25 %) и *торгающий смертью миллионер* (30 %). Это объясняется характерной для прецедентных феноменов в целом и для прецедентных высказываний, в частности, эмоционально-оценочной нагруженностью, их коннотативной маркированностью, что обусловило отнесение в их разряд и других, сходных по функциональным возможностям, единиц. При этом информантов, очевидно, не смущало то, что они не могут установить источник, т.к. ни в одной работе нам не встретилась попытка паспортизации данных выражений.

На вопрос об уместности и целесообразности использования прецедентных феноменов в газетных текстах большинство информантов ответили утвердительно, отметив, что подобные словоупотребления «как нельзя лучше характеризуют суть дальнейшего разговора», «служат своего рода иллюстрацией», «противопоставлением», «придают тексту ироническую окраску». Заметим, что в большинстве текстов, предложенных студентам в первом блоке заданий, прецедентные феномены использовались афористически, т.е. как особого рода цитаты, обозначающие специальное «русло», особого рода «канал», по которому развиваемая в дискурсе языковой личности мысль как бы вливается в широкий «ментальный контекст» духовного арсенала произведения [а в нашем случае – статьи], читателя, эпохи [Караулов 1987: 230]. Подобные выражения сближаются, по мнению Ю. Н. Караулова, с «генерализованными высказываниями, аккумулирующими в виде формул, правил, афоризмов, сентенций сумму знаний о мире и упорядоченными в индивидуальном тезаурусе» [Караулов 1987: 230-231], смысл их достаточно «прозрачен», он лежит на

поверхности, и для его формирования не требуются богатые ассоциативные связи с текстом-источником (напр., текст под № 8 в образце). Несколько иная картина наблюдается, когда употребление литературного прецедентного высказывания в газетной публикации по своим функциональным особенностям приближается к фразеологическому. В этом случае поверхностное значение вербальной единицы оказывается нерелевантным, и происходит актуализация глубинного, метафорического (напр., № 9 и № 3). В отношении данных текстов замечания по поводу уместности интересующих нас словоупотреблений не были столь однозначными: «кажется, здесь нет связи: роддом и ветряная мельница?», «по-моему, по смыслу выражение не подходит, главный герой неуточно чувствовал себя в шагреневой коже, а в статье – наоборот». Подобные ответы обусловлены тем, что выражения типа *бороться с ветряными мельницами, как в шагреневой коже*, с одной стороны, оторвались от своих текстов-источников и стали довольно часто употребительными, крылатыми, а с другой стороны – экспликация их смысловой нагрузки требует соположения с текстом-источником. И если в отношении «Дон Кихота» Сервантеса (возможно, в силу знакомства с его экранизацией) паспортизация составила 35 %, что свидетельствует о возможности установления информантами ассоциативных векторов, то «Шагреневую кожу» О. де Бальзака знали лишь единицы.

Анализ результатов по второму блоку заданий показал, что студенты не всегда способны дословно восстановить употребленное в газетном тексте довольно известное выражение. Наличие различных вариантов (при имеющемся единственно верном) может быть обусловлено, как оказалось, несколькими причинами. Во-первых – степенью знакомства информанта с тем или иным выражением. Данная степень знакомства (исключая случаи верных ответов) может быть нулевой (информант вообще не дал ответа) и частичной (выражение известно, но информант не знает его дословно, о чем свидетельствует предложенный им вариант). Так, напр., в качестве исходного варианта для трансформированной цитаты *Утром – острова, вечером – отношения* (АиФ) предлагались выражения «Утром – стулья, вечером – деньги/чеки», (вместо правильного Утром – деньги, вечером – стулья); для цитаты *Пусть сильнее граниет баррель!* (Коммерсант-власть) – «Пусть сильнее граниет гром / выстрел / песня» (вместо Пусть сильнее граниет буря). Подобные частично верные ответы обусловлены семантической пропозицией и лексическим содержанием исходного и трансформированного выражений. Имея в качестве стимула переиначенное выражение и не зная дословно первоначальное, информант ориентируется прежде всего на предложенную модель и ее лексическое наполнение. И если в ней реализуется какая-то определенная смысловая последовательность (сначала – товар, а потом – плата), или есть лексические указатели на се-

мантику замещенного слова (глагол *грянет*), то информант улавливает эти «сигналы» и в соответствии с ними выстраивает свое предположение. Иногда эти «сигналы» оказываются настолько сильными, что, даже не встречаясь ранее с тем или иным выражением, информант безошибочно его угадывает. Так, напр., в некоторых ответах в связи с восстановлением трансформированной цитаты *Как хорошо уметь считать* (РГ) студенты писали: «не знаю, «Как хорошо уметь читать», наверное».

Данные нашего исследования подтверждают выводы, сформулированные О. П. Семенец относительно зависимости возникающих у информантов ассоциаций от характера трансформаций: чем большему количеству трансформаций (лексических, структурных, грамматических) одновременно подвергается цитата, тем прозрачнее она становится для потенциального читателя [Семенец 2004]. Так, напр., выражение *«Собственник» звучит гордо. И выгодно* (РГ) формирует ассоциативное поле преимущественно вокруг введенных журналистом лексем *собственник* и *выгодно*: «о частной собственности», «о приватизации», «о сдаче в съем квартиры», «о том, что выгодно сейчас квартиру купить, а потом продать, т.к. цены на них растут» и др.. Не будучи идентичными, данные интерпретации оказываются тематически весьма близкими, они совпадают с поднятыми в статье проблемами. Исключения составили единичные ответы тех информантов, которые акцентировали внимание на графическом оформлении слова *собственник* (в кавычках): «о выходе нового журнала, который дешевле, чем другие подобные». Иная ситуация наблюдается в отношении прецедентных высказываний, где произведенные журналистом замены не столь очевидны и не формируют необходимого ассоциативного поля. Напр., в цитате *Много шума или ничего?* (Труд-7) произошла замена предлога *из* на союз *или*, что изменило синтаксическую структуру предложения, но не способствовало формированию какого-то определенного смысла. В связи с этим предложенные студентами интерпретации были весьма разнообразны: «про депутатов», «про реформы», «про какой-нибудь громкий скандал», «про телевидение», «про разговоры о конце света». В то время как статья была посвящена знаменитой российской теннисистке Марии Шараповой. Тематически различные интерпретации были предложены также по поводу синтаксически трансформированного высказывания *Но если маразмы плодятся вопреки здравому смыслу, значит, это кому-нибудь нужно* (НГ): «о скандале среди депутатов, напр., с Жириновским», «о бессмысленном предписании на предприятии (всем бросить курить)», «об абсурдности нашей жизни», «о бюрократах». Только последний вариант коррелирует с тематикой статьи. Таким образом, чем конкретнее семантика вводимых авторами статей слов (ср., напр., *собственник*, *выгодно* и *маразмы*), тем однороднее, ближе к оригиналу интерпретации читателей.

Имеющиеся у информантов ассоциации с

художественным текстом, послуживших источником того или иного прецедентного высказывания, также влияют как на характер восприятия самого высказывания, так и на характер интерпретации содержания публикации. Так, напр., для большинства участников эксперимента оказалась прозрачной связь трансформированной цитаты *Про рок: и виждь, и внемли* (НГ) со стихотворением Пушкина «Пророк», ибо оно изучается в курсе школьной программы и часто предлагается для заучивания наизусть. Это устроило возможные затруднения при восприятии устаревших слов и определило направление возникающих у информантов ассоциаций. Последние развивались по двум основным векторам: метатекстовому (актуализировалась имеющаяся в тексте статьи сегментация слова *пророк*) и прототекстовому (сегментация учитывалась, но значение слова воспринималось в соответствии с пушкинским текстом). В первом случае студенты писали, что речь идет «о музыкальном направлении, в котором важна не только сама музыка, но и зрелищность», во втором – «о чьей-нибудь жизни, судьбе, которой можно восхищаться», «о трагическом случае из жизни, знание которого предостережет других от похожих ошибок».

Таким образом, при восприятии литературных прецедентных высказываний релевантными оказываются две группы факторов. Первая группа связана с сознанием воспринимающего субъекта: степенью знакомства с тем или иным прецедентным высказыванием, наличием / отсутствием фоновых литературных знаний. Вторая – со спецификой самого прецедентного знака: характером его употребления (афористическим / фразеологическим), связью (или ее отсутствием) с текстом-источником, особенностью произведенных трансформаций, лексическим составом. При этом в процессе узнавания прецедентного феномена, выделении его из текстового массива актуализируется прежде всего память читателя, его литературная компетентность, при понимании (интерпретации) существенное значение приобретают и текстовые факторы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гришаева Л.И. Прецедентные феномены как культурные скрепы (к типологии прецедентных феноменов) // Феномен прецедентности и преемственность культур – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003.

Кондаков И.В. Антропология русской словесности: литературоцентризм // Современные трансформации российской культуры / отв. ред. И. В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – С. 394–403.

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М.: ИТДК «Гнозис», 2003.

Красных В.В., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Багаева Д.В. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ. – Сер. 9. – Филология. – 1997. – № 3. – С. 62–75.

Нахимова Е.А. О критериях выделения прецедентных феноменов в политических текстах // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. – С. 166–174.

Семенец О.П. Прецедентный текст в языке газеты: дина-

Будаев Э.В., Чудинов А.П.
Нижний Тагил, Екатеринбург, Россия
**МЕТАФОРА В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ
ДИСКУРСЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

Abstract

The authors survey works of European and American scholars who analyze metaphor in discourse of pedagogics and education. Of great interest are not only metaphors of pedagogical texts and shop-talk and their analysis as presented in Europe and USA but also the functional role of metaphor as a cognitive process that is sure to find its way into the field of education.

Педагогическая коммуникация постоянно привлекает внимание зарубежных специалистов (S. Jordan, S. Gunby, P. Chally, R. Dorman, M. Fredericks, K. Grams, M. Kosowski, S. Miller, H. Munby, B. Pless, F. Wiggins), но исследовательский интерес к этой проблеме значительно увеличился после того, как получил широкое признание когнитивный подход к метафоре (J. A. Barnden, F. Boers, L. Cameron, A. Castry, A. Deignan, M. Droujkova, J. Enkenberg, M. Gerhart, E. Gola, R.E. Haskell, T. Hermse, R. Holme, G.L. Huber, T. Komendzinski, R. Kunzli, M.G. Lee, J. Littlemore, G. Low, A. Margaret, M.A. Martinez, I.A. Noveck, P. Perrin, A. Peyer, D. Reese, A.M. Russell, G. Steen, R. Stokes и др.).

В отличие от традиционных исследований педагогической метафорики [Sanders D., Sanders J. 1984; Taylor 1984], современные публикации связаны преимущественно с двумя аспектами метафорической семиотики: когнитивной семантикой метафоры и прагматикой метафоры. В первом случае метафора рассматривается как отражение концептуальной картины мира субъектов образовательного процесса, а внимание исследователей сосредоточено на выявлении базовых метафор и их референций. В прагматически ориентированных исследованиях метафора исследуется как средство эффективного воздействия на субъектов образовательной деятельности, усиления эффективности образовательного процесса. При этом важно принимать во внимание, что когнитивно-семантические исследования в перспективе ориентированы на использование результатов на практике, а прагматические исследования невозможны без предварительного анализа когнитивных структур, поэтому строгое разграничение не всегда возможно.

В рамках когнитивно-семантических исследований значительное внимание уделяется изучению того, как участники педагогического процесса концептуализируют образовательный процесс и его участников. Среди наиболее известных работ этого направления выделяется публикация А. Сфард [Sfard 1998], в которой выявлены две основные метафоры для представления учения: метафора приобретения (acquisition metaphor) и метафора соучастия (participation metaphor). Первая метафора связана с представлениями о педагогической коммуникации как о процессе передачи информации, а сама информация представляет собой

предназначенный для учащихся продукт потребления. Вторая метафора формируется наряду со становлением интеракционистских представлений о коммуникации, а ее использование направлено на акцентирование активной роли учащихся в образовательном процессе.

Исследователи неоднократно отмечали, что метафора приобретения в различных модификациях доминирует при осмыслинении образования как преподавателями, так и учащимися [Donato 2000; Gross, Hogler 2005; McGuinness 2005]. Как отмечает К. Грэхем [Graham 2001], понятие «приобретение» стало настолько привычным в заголовках авторитетных учебников, что студенты, преподаватели и исследователи нередко не замечают, что это метафора, которая к тому же затемняет важные аспекты процесса обучения.

В этом направлении внимание исследователей направлено на выявление когнитивных презентаций образовательного процесса и его участников и поиск альтернатив различным вариантам метафоры приобретения, высвечивающим пассивную роль учащихся [Cheney et al. 1997; Hagstrom et al. 2000; Halbesleben et al. 2003; Hoffman, Kretovics 2004; Kamber 2004; Ormell 1996]. По мнению специалистов, необходимо отказаться от широко распространенной в Европе и Северной Америке метафоры студента как потребителя (student as consumer metaphor) и внедрять метафору студента как товарища по работе, сотрудника, помощника [Halbesleben et al. 2003]. Широко распространенная метафора студента как потребителя привносит нежелательные смыслы из сферы рыночных отношений и дистанцирует учащихся от активного участия в образовательном процессе [Cheney et al. 1997]. Аналогичные идеи предлагает К. Ормэлл, указывая, что распространенные кулинарные метафоры приготовления и переваривания «ментальной пищи» в меньшей степени акцентируют необходимость активности учащихся, нежели, напр., метафоры альпинистского подъема [Ormell 1996].

К. Грэхем продемонстрировала влияние метафор «приобретения» и «соучастия» на стратегии подготовки к экзамену по английскому языку (TOEIC) у японских студентов. При доминировании метафоры приобретения студент ориентируется на заучивание слов и грамматики, стремится аккумулировать, накопить как можно больше знаний. При доминировании метафоры соучастия студент стремится общаться с носителями языка, слушать радио, смотреть телевидение, читать книги. По мнению К. Грэхем, и учителям и учащимся необходимо осознавать наличие этих двух метафор. Хотя метафора соучастия долго недооценивалась, важно чтобы ни одна из метафор не становилась доминирующей.

В рамках когнитивно-семантических исследователей существенное значение имеет вопрос о том, как студенты посредством метафор представляют своих преподавателей [De Guertero, Villamil 2002; Marchant 1992; Oxford et al. 1998]. Очевидно, что отношение учащихся к изучаемому